

Вальков Дмитрий Вадимович

ЛАТИНСКАЯ ЭПИТАФИЯ 1718 ГОДА ИЗ МОСКОВСКОГО ЗАИКОНОСПАССКОГО МОНАСТЫРЯ

Статья посвящена анализу эпитафии Василия Выговского 1718 г., происходящей из московского Заиконоспасского монастыря. Ряд существенных особенностей (структура формуляра, содержание ключевых разделов, приемы грамматического и синтаксического оформления латинского текста) сближают надгробие Василия Выговского с позднегуманистической эпитафией первой половины XVI в., а также с западноевропейским надгробием раннего Нового времени. Эпитафия из московского Заиконоспасского монастыря 1718 г. не только обозначает прототипические истоки дальнейшей эволюции русского надгробия как типа эпитафического памятника, но во многом предвосхищает общие системные изменения, характерные для русской эпитафики XVIII в.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/9-1/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 37-41. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

9. 孙景峰 经济全球化对全球文化的影响…兼论中国 文化的发展战略 // 思想战线. 2002. № 3. С. 105-111.
10. 于沛 反“文化全球化” — 经济全球化背景下文化 多样性的思考 // 史学理论研究. 2004. № 4. С. 26-39.
11. 万俊人 经济全球化与文化多元论 // 中国社会科学. 2001. № 2. С. 38-48.
12. 张荣翼 文化全球化的基本特征 [Электронный ресурс] // 广西师范大学出版社. URL: <http://www.bbtpress.com/homepagebook/625/c03.htm> (дата обращения: 12.02.2014).
13. 王毅 文化全球化的实质与消极后果 // 理论与改革. 2004. № 5. С. 94-98.
14. 臧学英, 张东 有关文化全球化问题的思考 // 天津师范大学学报 (社会科学版). 2001. № 5. С. 15-18.
15. 鲍宗豪 论文化全球化 [Электронный ресурс] // 中国网络文学联盟. URL: http://www.ilf.cn/theo/93727_5.html (дата обращения: 08.02.2014).

PROBLEM OF GLOBALIZATION OF CULTURE IN WORKS OF THE MODERN CHINESE SCIENTISTS

Byankin Konstantin Yur'evich
Transbaikal State University
kot2006r@gmail.com

Over the last years the Chinese scientists have studied such problems as the meaning of the notion “globalization of culture”, the possibility for this phenomenon, the interrelations of the globalization of culture and the globalization of economy, reasons for the origin of these phenomena. The article analyzes the results of the investigations of certain Chinese scientists with a view to reveal the attitude of the Chinese science to the problem of the globalization of culture, to describe the basic approaches to the investigation of this issue and also to identify the interrelation of the notions “globalization”, “globalization of economy” and “globalization of culture”.

Key words and phrases: globalization; globalization of economy; globalization of culture; possibility for globalization of culture.

УДК 904

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу эпитафии Василия Выговского 1718 г., происходящей из московского Заиконоспасского монастыря. Ряд существенных особенностей (структура формуляра, содержание ключевых разделов, приемы грамматического и синтаксического оформления латинского текста) сближают надгробие Василия Выговского с позднегуманистической эпитафией первой половины XVI в., а также с западноевропейским надгробием раннего Нового времени. Эпитафия из московского Заиконоспасского монастыря 1718 г. не только обозначает прототипические истоки дальнейшей эволюции русского надгробия как типа эпиграфического памятника, но во многом превосходит общие системные изменения, характерные для русской эпиграфики XVIII в.

Ключевые слова и фразы: русская эпиграфика; западноевропейская эпиграфика; латинский язык; эпитафия; Москва; Заиконоспасский монастырь.

Вальков Дмитрий Вадимович, к.и.н., доцент

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
valkovdv@yandex.ru

ЛАТИНСКАЯ ЭПИТАФИЯ 1718 ГОДА ИЗ МОСКОВСКОГО ЗАИКОНОСПАССКОГО МОНАСТЫРЯ[©]

В русской эпиграфической практике допетровской эпохи памятники на латинском языке – явление, скорее, эксклюзивное [5; 6]. Это касается и надгробных плит [2, с. 257-294; 3; 10]. До XVIII в. репертуар латинографических, в т.ч. и латиноязычных надгробных плит пополнялся в основном за счет надгробий проживавших в Москве иноземцев. Например, в рамках московского некрополя известны как надгробия частных лиц [1], так и военно-политических деятелей раннепетровской эпохи – Патрика Гордона, Франца Лефорга [11, т. I, с. 318, т. II, с. 169-170]. Содержание текстов, декоративное и геральдическое оформление этих надгробных плит следует преимущественно за моделями, оформившимися в западно-европейской эпиграфической практике в конце XIV – XV в. и получившими дальнейшее развитие в XVI-XVII вв.

В русской эпиграфике временем существенной трансформации становится конец XVII – первая половина XVIII в. – период, характеризующийся изменениями в формуляре надгробных плит, интродукцией геральдического оформления и новых декоративных элементов, рецепцией гражданской графики букв, использованием новых принципов датирования. В начале XVIII в. наблюдается также постепенное обращение к памятнику на латинском языке. Одним из первых свидетельств этого стали стихотворные надписи на латинском языке под барельефами со сценами Страстей Христовых в церкви Знамени Пресвятой Богородицы, освященной в 1704 г. в Дубровицах (подмосковном имении Б. А. Голицына) [8]. Знаковой представляется

[©] Вальков Д. В., 2014

также официальная закладная плита, датированная 1718 г., установленная в Кадриоргском дворце от имени Петра I (памятник, маркирующий не только новый стык культур, но во многом и саму европейскую генетику латиноязычного сегмента русской эпиграфики¹).

В XVIII – начале XIX в. эпиграфический памятник на латинском языке, не утрачивая некоторой эксклюзивности, занял в русской эпиграфике место как среди официальных и частных закладных плит, так и среди надгробий, о чем свидетельствует латинизация как преимущественно петербургского архитектурного пространства, так и петербургского некрополя [4].

Латиноязычная эпитафия Василия Выговского, предположительно, учителя философии в Московской Славяно-Греко-Латинской Академии, обращает нас, из-за указанного в самом тексте этнохоронима *Ukrainensis*, к малоросскому ареалу, в котором интеллектуальная жизнь конца XVI – первой половины XVII в. характеризовалась рецепцией составляющих европейского университетского образования, а также некоторых черт гуманистической культуры. В этой связи интеллектуальная среда, к которой, очевидно, принадлежал сам Василий Выговский, и, вероятно, автор эпитафии, усвоивший раскрытые гуманистической эпохой античные гносеологические и дисциплинарные основы философии как ученого занятия, мировидения и предмета дидактического изложения, в наибольшей степени предопределила содержание и план выражения рассматриваемого текста.

Целью данной статьи является публикация и анализ эпитафии Василия Выговского 1718 г., происходящей из московского Заиконоспасского монастыря, – редкого для русской эпиграфической практики первой четверти XVIII в. латиноязычного надгробного памятника.

* * *

Текст эпитафии с существенными неточностями и без каких-либо комментариев, кроме указания местонахождения и упоминания Василия Выговского в качестве учителя философии в Славяно-Греко-Латинской Академии, был приведен вместе с переводом в описании Заиконоспасского монастыря, опубликованном в 1887 г. А. Ковалевым [7, с. 108–110, № 6]. Позднее текст эпитафии был републикован В. И. Сайтовым и Б. Л. Модзалевским, составителями «Московского некрополя» [11, т. I, с. 242].

Памятник является белокаменной плитой-вставкой трапециевидной формы, находится с внешней стороны на северной стене храма во имя Образа Спаса Нерукотворного московского Заиконоспасского монастыря. Высота плиты – 92,6 см, ширина в верхней части – 49 см, ширина в нижней части – 47,5 см. Врезная надпись из 23 строк. Высота строк: строка 1 – 3 см, строка 2 – 2,2 см, строка 3 – 1,9 см, строка 4 – 1,9–2,1 см, строка 5 – 1–3,2 см, строка 6 – 2,5–3 см, строка 7 – 1,9–2 см, строка 8 – 2–2,4 см, строка 9 – 2–2,7 см, строка 10 – 2–2,3 см, строка 11 – 2–2,3 см, строка 12 – 2–2,2 см, строка 13 – 2–2,5 см, строка 14 – 2–3,2 см, строка 15 – 1,9–2,4 см, строка 16 – 2,5 см, строка 17 – 2–3,1 см, строка 18 – 1,9–3 см, строка 19 – 1,9–2,5 см, строка 20 – 1,6–2,6 см, строка 21 – 1,7–2,5 см, строка 22 – 1,5–2,5 см, строка 23 – 1,7–2,2 см. Расстояние между строками: строки 1–2, 2–3, 3–4 – 1,9 см, строки 5–6 – 1,7–2,5 см, строки 6–7 – 2 см, строки 7–8 – 2,9 см, строки 8–9 – 2 см, строки 9–10 – 2–2,5 см, строки 10–11, 11–12 – 2–2,5 см, строки 12–13 – 1,5–2 см, строки 13–14 – 2,1 см, строки 14–15 – 2,2 см, строки 15–16 – 1,8–2,5 см, строки 16–17 – 2,2 см, строки 17–18 – 2,1 см, строки 18–19 – 2,2 см, строки 19–20 – 1,8 см, строки 20–21, 21–22, 22–23 – 1,7 см².

Текст памятника (аутопсия, июль 2013 г.; Рис. 1)³:

- 1 D(eo) O(ptimo) M(aximo)
- 2 PIE VIATOR
- 3 EX HOC PHILOSOPHO IEGE⁴ MORIAIItAIIS ARGVME⁽ⁿ⁾TU^(m) [^{vel} ARGVME⁽ⁿ⁾TU^(m) vel AR-
GVME⁽ⁿ⁾TU^(m)]
- 4 BASILIVS WYHOWSKI
- 5 NATIONE VKRAINE⁽ⁿ⁾SIS [^{vel} VKRAINE⁽ⁿ⁾SIS ^{vel} VKRAINESIS] Pro[fe]SSIONE PHILoSOPHUs
- 6 DVM CVRSV^(m) [^{vel} CVRSV^(m)] VITAE (et) PHIlOsOPHIA^e [^{vel} PHIlOsOPHIAE] CV[r]it
- 7 AEQ(ualiter) PLAVSIBILITER
- 8 AD HV⁽ⁿ⁾C [^{vel} HV⁽ⁿ⁾C] SEPVLCHRALI(um) OFFE⁽ⁿ⁾DENS [^{vel} OFFE⁽ⁿ⁾DENS] LAPIDEM
- 9 VTRVMQ(ue) IN MEDIO CONSU(m)MAVIT
- 10 [---] u/ [---]⁵
- 11 [^{e. g.} se ubi pro dy(da)sc(al)o[?]] DE INGENIIS MVLTORV(m) TRIV^(m)PHAVIT [^{vel} TRIV^(m)PHAVIT]
- 12 AD MO^(s)QVA [^{vel} MOQVA] FLVVIV(m) Paucis laTRONIB u/ S sVCCVBVIT
- 13 Ve[r]E HVIC LOGICi
- 14 PONS SVBLICIVS fVIT PONs DIALECTiCVs
- 15 QVO LICET NO(n) mORtiS PRAEseNtiS TAM [^{e. g.} en vitae]

¹ *PETRUS PRIMUS DEI GRATIA ROSSIAE IMPERATOR* ^aEDIFICARE SIBI DOMUM J^uSSIT HOC LOCO QUOD EST REVALIAE ANNO 1718 JULII. В правом нижнем углу плиты имеются инициалы: Arch: N.M. MS., указывающие имена архитекторов-создателей Кадриоргского дворца – соответственно Николо Микетти, Михаил Земцов.

² Обмеры плиты выполнены А. Г. Авдеевым. Автор приносит благодарность А. Г. Авдееву за возможность распоряжения данными сведениями.

³ Автор приносит благодарность А. Г. Авдееву за предоставленную возможность осмотра памятника и работы с ним.

⁴ В связи с техническими трудностями компьютерной кодировки подчеркивание соответствует подписной точке.

⁵ Строка с *de facto* отсутствующим текстом; видны следы разметки строки. Буква *V* прочитывается с некоторым допущением. Представляется вероятным, что именно к этой строке относится чтение А. Ковалева *Cum in curriculo logico*, совмещенное в приведенном им общем тексте памятника со следующей строкой, начало которой осталось, видимо, для А. Ковалева неясным [7, с. 109].

- 16 EFFVGiIT sOpHISmata
 17 ANNO SALVATORIs 1718 aeTAtis sVae 2 [^{vac.}] ¹ APR^(iilis) 8²
 18 iNteR SPINAS LOGI k/ AS (et) MOrtiS ACVLeVm
 19 EX IMPROVISO FLOREM ADOLES[c]eNTIAE AMISit
 20 erGO
 21 dum siC VITAM CONCLVSIit iN FESTINO
 22 OMNIbus deMONStrAVIT
 23 QVAITER EST viVeNdum

^{1/1} D. O. M. – А. Ковалев, без раскрытия сиглей³; ^{3/3} *Argumentum* – А. Ковалев; ^{5/5} *Vcrainensis, professione* – А. Ковалев; ^{6/6} *cursum, et, Philosophiae, currit* – А. Ковалев; ^{7/7} *Aeque* – А. Ковалев; ^{8/8} *hunc, sepulcralem, Offendens* – А. Ковалев; ^{9/9} *Utrumque, consummavit* – А. Ковалев; ^{11/10} *Cum in curriculo logico, multorum, triumphavit* – А. Ковалев; ^{12/11} *Mosquam, fluvium* – А. Ковалев; ^{13/12} *Vere, Logico* – А. Ковалев; ^{14/13} *dailecticus* – А. Ковалев; ^{15/14–15} *non, tamen, vitae* – А. Ковалев; ^{16/16} *Sofismata* – А. Ковалев; ^{17/17} *25 Apr. 27.* – А. Ковалев; ^{18/18–19} *logicas, et* – А. Ковалев; ^{19/20} *adolescentiae, amissus* – А. Ковалев; ^{21/23} *fesfino* – А. Ковалев. А. Ковалевым не соблюдено до конца оригинальное расположение слов в 15, 18, 21 строках памятника (по А. Ковалеву, соответственно строки 14–15, 18–19, 22–23). В 19 строке памятника (по А. Ковалеву, 20 строка) у А. Ковалева отсутствует слово *florem*, хорошо читающееся в латинском тексте.

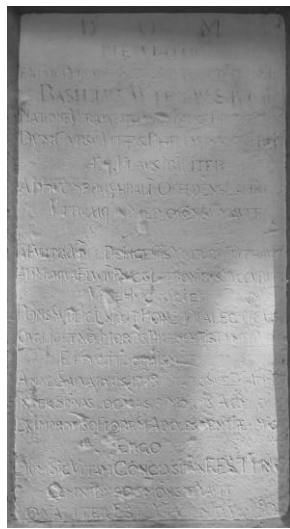

Рис. 1. Эпитафия Василия Выговского, происходящая из московского Заиконоспасского монастыря (фотография автора)

Богу Наилучшему Величайшему; благочестивый путник, от этого философа о бренности выслушай рассказ (на примере этого философа узри доказательство бренности); Василий Выговский, родом украинец, занятием философ, в то время как путь жизни и путь философии равно похвально проходит, преткнувшись об этот надгробный камень, и тот, и другой на середине завершает (оставляет незавершенным); {в то время как на поприще логическом (в рассуждении логическом)}⁴, [когда он был наставником⁵], он восторжествовал над умами многих (превзошел умы многих), у Москва-реки уступил немногим разбойникам; истинно, этому знатоку рассуждения мост свайный стал мостом диалектическим, где (на котором) пусть не смерти, однако этой жизни он избежал уловок⁶; в год Спасителя 1718, в возрасте 2 [^{vac.}] лет, в [27] день апреля⁶, среди терний логики увязленный шипом смерти, неожиданно цвет юности он оставил; итак, меж тем как столь поспешно (преждевременно) он завершил жизнь, всем показал, как должно жить⁶.

Латинский язык эпитафии в целом правильный, с присутствием грецизма *sophisma* для собственно латинского *captio*. К числу парадигматических несоответствий относятся: *sepulchralius* (ad hunc sepulchralium lapidem) для *sepulchralis*, *logicis* (*vere huic logici*) для *logicus*, предположительно, *philosophia* для *gen. sing.*

Орфографической спецификой памятника является отсутствие в значительном числе случаев назальных: *argumetu*, *Ukrainesis*, *cursu*, *huc*, *offedens*, *triumphavit*, при этом отсутствие достоверно читаемых конвенциональных обозначений не всегда дает возможность точно говорить, идет ли речь о собственно орфографической

¹ Судя по фактуре и направлению отслаиваний в этом месте плиты, указание числа 5, читаемого А. Ковалевым, представляется возможным [7, с. 109].

² Очевидно, ошибка резчика: вместо 27 выбито 87. Менее вероятным представляется чтение APR^(iilis) 8.

³ Здесь и далее в обозначении строк первая цифра обозначает строку в тексте памятника, вторая цифра – строку в издании А. Ковалева.

⁴ По А. Ковалеву: *Cum in curriculo logico*.

⁵ Возможен другой вариант перевода этого фрагмента текста: *истинно, этому знатоку рассуждения мост свайный стал мостом диалектическим, где (на котором) пусть не скоростной смерти, однако жизни он избежал уловок*.

⁶ Менее вероятно: ... в 8 день апреля...

неточности или о подразумеваемом сокращении назального (например, в словах *Ukrainesis, offedens*). То же замечание может быть отнесено и к написанию фрикативного в гидрониме (Моца).

Учитывая опыт описания западноевропейского эпиграфического материала, графические формы букв в эпитафии Василия Выговского можно отнести к предгуманистическому капитальному письму с элементами гуманистического капитального письма и предположительно курсива. Графическими особенностями памятника являются наличие большего по высоте маюскула в начале каждого слова, а также написание им слова *FESTINO*, крайне нечеткое графическое разграничение *G* и *C*, специфическая графика буквы *M* в слове *VTRVMQ(ue)*, близкая к рустическим формам. Графема *V* используется повсеместно как для *U*, так и собственно для *V*. Диграф *AE* передается в лигатуре *Æ*, кроме того имеется лигатура *TR* в слове *TRIV^(m) PHAVIT*. Особого рода лигатуры встречаются в словах *CVr[r]it, CONSU(m)MAVIT*, где буквы соответственно *V* и *O* вписаны в букву *C*, а также в слове *MVLTORV(m)*, где буква *T* совмещена с буквой *L*. Нестандартным является сокращение назального в слове *NO(n)* в 15 строке. В 1, 2, 5, 10, 20 строках видны следы разметки строки.

* * *

Эпитафия Василия Выговского связана с традицией западноевропейской гуманистической эпитафии [12]. В тексте личность Василия Выговского определяется не столько принадлежностью к сословному страту, цеховой, торговой, университетской корпорации, церковному ордену, общине-приходу, городу или городскому кварталу, что типично для европейского средневекового надгробия, но свойством интеллектуальной деятельности¹, в связи с чем *professio* получает скорее индивидуально-гуманистическое, а не сословно-корпоративное измерение. С *professio* в тексте эпитафии примечательно связан и жизненный путь, пресекающийся у гробовой доски так же, как и путь интеллектуального искания (*dum cursum vitae et philosophiae currit aequaliter plausibiliter ad hunc sepulchralium offendens lapidem utrumque in medio consumavit; inter spinas logicas et mortis aculeum ex improviso florem adolescentiae amisit*) [Там же, с. 54-55]. Текст эпитафии завершается клаузулой, акцентирующей социальную значимость реализованного индивидуального жизненного опыта (*omnibus demonstravit qualiter est vivendum*) [Там же, с. 54-70], что также свойственно для гуманистической эпитафии².

В тексте памятника имеются слова и словосочетания, частотность употребления которых достаточно низка для средневекового европейского надгробия, относящегося ко времени ранее XV в., и которая, напротив, возрастает в европейских эпитафиях XV-XVII вв. (*professione philosophus, logicus, dialecticus, sophismata, florem adolescentiae amisit, qualiter est vivendum*).

В эпитафии Василия Выговского выделяются четыре части: *invocatio* (строка 1), *apostrophus ad lectorem* (строки 2-3), *dispositio* (строки 4-18), *clausula moralis* (строки 19-23).

Invocatio представлено в тексте эпитафии сиглевым сокращением *D(eo) O(ptimo) M(aximo)*. Данная формула *invocatio* приобретает широкое распространение в ренессансной эпиграфической практике (прежде всего, в Италии) и в дальнейшем закрепляется в западноевропейской эпиграфике Нового времени. Для средневековой западноевропейской эпиграфики ранее XV в. данная формула *invocatio* остается практически неизвестной.

Apostrophus ad lectorem является традиционной составляющей средневекового надгробного текста и во многом ренессансной эпитафии, имеет параллели в античной и раннехристианской эпиграфике.

В *dispositio* указаны имя и фамилия покойного, обстоятельства жизни и смерти, дата и место смерти, приводятся иные составляющие индивидуального жизненного опыта покойного. Примечательно, что место гибели Василия Выговского определено в тексте эпитафии достаточно точно. Им является *ad Mosqua fluvium... pons sublicius* – свайный мост через Москва-реку. Возможно предположить, что этим мостом мог быть каменный Всехсвятский мост, строительство которого было завершено в 1682-1687 гг. (достраивался в 1692 г.). Мост пользовался дурной славой, поскольку под одним из его пролетов на левом берегу («девятой клеткой») собиравлись «воры» и «лихие люди» [9, с. 207]. Однако текст эпитафии сообщает не только топографические и некоторые конструктивные детали этого сооружения. Свайный мост становится для философа мостом диалектическим, локусом, в рамках которого осуществляется основная метаморфоза жизни и смерти и, в известной степени, реализуется тождество противоположенностей (*pons sublicius fuit pons dialecticus quo licet non mortis praesentis tamen vitae effugiit sophismata*). «Диалектика» указанного локуса

¹ Примечательно, например, что в эпитафии Рафаэля, составленной Пьетро Бембо, личность усопшего определяется исключительно аллюзией к его творчеству: *ILLE HIC EST RAPHAEL TIMUIT QUO SOSPITE VINCI RERUM MAGNA PARENS ET MORIENTE MORI* [13]. Обращение к читателю в эпитафии астронома и часовых дел мастера Якопо Донди, создателя падуанских часов, выдвигает на первый план просьбу ознакомиться с творением усопшего, узнать об индивидуальном результате его интеллектуального труда (*inventum*) и лишь затем просит молиться об упокоении и оставлении грехов: *Inventum cognosce meum, gratissime lector, et pacem vel veniam tacitusque precare* [12, с. 75]. *POSTQUAM LEONARDUS EVITA MIGRAVIT HISTORIA LUGET, ELOQUENTIA MUTA EST* отмечает эпитафия Леонардо Бруни, принадлежащая некрополю флорентийской базилики Санта-Кроче. *SISTE VIDES MAGNUM QUAE SERVANT MARMORA VATEM INGENIO CUIUS NON SATIS ORBIS ERAT...* – провозглашает эпитафия Карло Марсуппини, принадлежащая тому же некрополю. Наконец, эпитафия архитектора Бускетто, относящаяся к эпохе пизанской *romanitas* XI-XII вв., определяет личность усопшего, также упоминая его творчество и исключительность одаренности: *BUSKET(us) IACEt [hi]C [qui] mOTIB(us) INGENIORU(m) DULICHIO [fert]ur prEVALUISSE DUCI* [15]...

² Ср. эпитафию Леонардо Джустиниани, прокуратора венецианского Сан-Марко: *Hospes amice scire si cupis qui sim; Leonardus Justinianus procurator S. Marci situs hic sum; plura de me non licet; ab aliis fortasse plura si cupis scibis* [14, p. 89]. Эпитафия констатирует, таким образом, отсутствие необходимости дополнительного определения личности покойного, помимо указания его имени и оффиции (*plura de me non licet*). О большем могут, вероятно, сказать живущие, хранящие память об индивидуальном жизненном опыте покойного (*ab aliis fortasse plura si cupis scibis*).

приобретает, таким образом, гераклитовское звучание, вполне согласующееся с обозначенным в начале эпитафии намерением указать на изменчивость бытия (*mortalitatis argumentum*).

Важной особенностью эпитафии Василия Выговского является также указание этнохоронима, что в целом не свойственно для гуманистической эпитафии и что, скорее, обозначает нуждающуюся в дальнейшем исследовании проблему интеграции и адаптации малороссов в Московии и Российской империи во второй половине XVII – первой половине XVIII в. Как и в ренессансной эпитафии, в эпитафии Василия Выговского отчетливо проявляется стремление придать мысли совершенное вербальное оформление, выраженное в тонком разграничении значений слов, разнообразии падежных соотношений. Синтаксис *dispositio* эпитафии Василия Выговского можно охарактеризовать как *syntaxis mortalitatis*, основывающийся на противопоставлении жизни и смерти, движения и преткновения, торжества и поражения (*dum cursum vitae currit... offendens consumavit; triumphavit... succubuit; de ingeniis multorum triumphavit... paucis succubuit; non mortis praesentis tamen vitae effugiit sophismata*). *Syntaxis mortalitatis*, представленный наиболее характерной формулой *sum quod eris et quod es ante fui*, известен, начиная с VI в., по западноевропейским средневековым надгробным текстам. Эпитафия гуманистической эпохи, не отказываясь от упомянутого противопоставления, обогащает его античными реминисценциями, что обуславливает большую свободу синтаксического выражения и лексического оформления.

Эпитафия Василия Выговского завершается клаузулой, отмечающей нравственную ценность индивидуального жизненного опыта и его экспликативное значение (*omnibus demonstravit qualiter est vivendum*).

Рассмотренная латиноязычная эпитафия Василия Выговского 1718 г., происходящая из московского Заиконоспасского монастыря, является, таким образом, редким для русской эпитафической практики первой четверти XVIII в. примером надгробного памятника. По некоторым существенным параметрам (прежде всего, язык, формуляр, принцип датирования) она не только обозначает пути дальнейшей эволюции русского надгробия как типа эпитафического памятника, но во многом намечает и предвосхищает общие системные изменения, характерные для русской эпитафики XVIII в.

Список литературы

1. Авдеев А. Г., Пирогов В. Ю. Кладбище иноземцев в Марьиной Роще // Вопросы эпитафики / ред. А. Г. Авдеев. М.: Русский Фонд Содействия образованию и науке, 2006. Вып. I. С. 36-59.
2. Баталов А. Л., Беляев Л. А. Сакральное пространство средневековой Москвы. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010. 400 с.
3. Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII-XVII вв. М.: Модус-Граффити, 1996. 563 с.
4. Бударягина О. В. Латинские надписи в Петербурге. СПб.: Коло, 2010. 151 с.
5. Вальков Д. В. Латинская официальная закладная плита со Спасской башни Московского Кремля // Вопросы эпитафики / ред. А. Г. Авдеев. М.: Русский Фонд Содействия образованию и науке, 2006. Вып. I. С. 10-15.
6. Дрбоглав Д. А. Камни рассказывают... Эпитафические латинские памятники. XV – первая половина XVII в. (Москва, Серпухов, Астрахань). М.: Изд-во МГУ, 1988. 79 с.
7. Ковалев А. Историческое описание ставропигиального второклассного Заиконоспасского монастыря в Москве, на Никольской улице / сост. А. Ковалев. М.: Типография Снегиревых, 1887. 137 с.
8. Кувшинская И. В. *Coronae species templum exhibit*. Латинские надписи храма Знамения Пресвятой Богородицы в Дубровицах // Аристей. Классическая филология и античная история / гл. ред. А. В. Подосинов. М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2010. Т. 1. С. 189-209.
9. Мартынов А., Снегирев И. М. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / сост. А. Мартыновым; текст И. М. Снегирева. Год третий. 2-е изд. М.: Типография Ведомостей Московской Городской Полиции, 1852. 218 с.
10. Панова Т. Д. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М.: Изд-во ИНДРИК, 2003. 224 с.
11. Сайтов В. И., Модзалевский Б. Л. Московский некрополь: в 3-х т. / сост. В. И. Сайтов, Б. Л. Модзалевский. СПб.: Типография И. М. Стасюлевича, 1907-1908. 1438 с.
12. Хоментовская А. И. Итальянская гуманистическая эпитафия: ее судьба и проблематика. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 272 с.
13. Castagna L. ILLE NIC EST RAPHAEL: l'epitafio latino per Raffaello al Pantheon // Aevum. 1997. Anno 71. Fasc. 3. Settembre-dicembre. P. 617-629.
14. Labalme P. H. Bernardo Giustiniani. A Venetian of the Quattrocento. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 1969.
15. Scalia G. Tre iscrizioni e una facciata. Ancora sulla cattedrale di Pisa // Studi medievali. 3^a serie. 1982. Vol. XXIII. P. 817-859.

THE LATIN EPITAPH OF 1718 FROM MOSCOW ZAIKONOSPASSKY MONASTERY

Val'kov Dmitrii Vadimovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
valkovdv@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the epitaph of Vasilii Vygovskii of 1718, which is from Moscow Zaikonospassky monastery. A number of essential peculiarities (the structure of form, the content of the key parts, the methods of the grammatical and syntactical design of the Latin text) bring together the epitaph of Vasilii Vygovskii with the late humanistic epitaph of the first half of the XVI century and with the West European epitaph of the early modern period. The epitaph from Moscow Zaikonospassky monastery of 1718 not only emphasizes the prototypical sources of the further evolution of the Russian epitaph as a type of the epigraphical monument but also in many respects anticipates general systemic changes typical for the Russian epigraphy of the XVIII century.

Key words and phrases: the Russian epigraphy; the West European epigraphy; the Latin language; epitaph; Moscow; Zaikonospassky monastery.